
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ПРАВА

Д.С. Велиева, М.В. Пресняков. ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ПРАВА
ЧЕЛОВЕКА. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. – 401 с.

© 2023 г. М. С. Пермиловский

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

E-mail: permilovsky@mail.ru

Поступила в редакцию 02.11.2022 г.

Аннотация. В представленной рецензии проанализирована монография Д.С. Велиевой и М.В. Преснякова «Правовая определенность и права человека». Рассмотрены различные аспекты авторской концепции правовой определенности и правореализации. Изучены основные научные результаты исследования и сделаны выводы об их значении для дальнейшего развития принципа правовой определенности в контексте обеспечения конституционного антропоцентризма.

Ключевые слова: правовая определенность, определенность в праве, права человека, конституционное правосудие.

Цитирование: Пермиловский М.С. Человек в мире права
Д.С. Велиева, М.В. Пресняков. Правовая определенность и права человека // Государство и право. 2023. № 4. С. 197–201.

DOI: 10.31857/S102694520022935-9

MAN IN THE WORLD OF LAW

D.S. Velieva, M.V. Presnyakov. LEGAL CERTAINTY AND HUMAN RIGHTS.
Saratov: Publishing house “Saratov source”, 2021. – 401 pp.

© 2023 M. S. Permilovsky

Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk

E-mail: permilovsky@mail.ru

Received 02.11.2022

Abstract. The presented review analyzes the monograph by D.S. Velieva and M.V. Presnyakov “Legal certainty and human rights”. Various aspects of the author’s suspicion of certainty and legal realization are highlighted. The main scientific researches are studied and the results of their importance for supporting the development of health care are obtained.

Key words: legal certainty, certainty in law, human rights, constitutional justice.

For citation: Permilovsky, M.S. (2023). Man in the world of law
D.S. Velieva, M.V. Presnyakov. Legal certainty and human rights // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 197–201.

*Существует достаточно света для тех,
кто хочет видеть, и достаточно мрака
для тех, кто не хочет.
Блез Паскаль*

Качество бытия, как писал М. Хайдеггер, определяется с помощью «обращения в мире», которое раскрывается через «внимающее познание» и «орудующее, потребляющее озабочение»¹. Качество законотворческой и правоприменительной деятельности определяется восприятием закона и власти человеком и обществом. От того, насколько такая деятельность сопоставима с «простым» пониманием прав человека самим человеком, зависит подлинное доверие населения к государству. Именно поэтому отношения между публично-правовыми образованиями и человеком должны выстраиваться по конституционной формуле подчинения законов и деятельности законодательной и исполнительной власти, а также местного самоуправления правам и свободам человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ). Практическое достижение этого невозможно без «внимающего познания» и «орудующего, потребляющего озабочения», характерных для принципа правовой определенности. Иными словами, реализация прав человека зависит от обеспечения правовой определенности закона (правовая аксиология) и публично-правовой деятельности (правовая праксиология).

Выверенной в этой связи представляется тема монографии докторов юридических наук, профессоров Д.С. Велиевой и М.В. Преснякова «Правовая определенность и права человека». Это объемный труд, состоящий из *предисловия, четырех глав, объединяющих 19 параграфов*, для удобства изучения разделенных на конкретные вопросы (в общем количестве 119), и заключения.

В отличие от иных произведений аналогичной тематики в рецензируемой работе красной нитью проходит идея обеспечения человекоцентричности права и прав человека за счет преодоления формальности легизма таким качеством правового регулирования и правоприменения (правовой определенностью), при котором они будут понятны, доступны и предсказуемы для «простого» человека.

Сферу научных интересов ученых составляют в том числе права человека, поэтому, помимо оригинальности самой цели исследования — правовая определенность человека и определенность права для человека, в монографии достигнуто логичное совмещение сложных многоаспектных вопросов реализации конституционного антропоцентризма в контексте определенности (качества) законодательной и правоприменительной деятельности.

Следует отметить, что неординарная структура работы позволила на основе комплексного анализа конституционного, отраслевого и международного нормативного и доктринального материала последовательно достичь цель исследования.

Глава первая посвящена теоретическому соотношению определенности права и правовой определенности. Здесь сразу поставлена важная задача установить значение определенности и неопределенности в праве. Представлено последовательное объяснение необходимости перехода понимания правовой определенности от принципа права (формальности) к качеству права (содержательности).

Неопределенность в праве рассматривается не в качестве его дефектности или непредсказуемости, а напротив, как позитивный прием правового регулирования, когда не все должно подвергаться правовому воздействию. Иными словами, неопределенность в отдельных намеренных случаях правотворческого умолчания является, по заслуживающему вниманию мнению авторов, средством преодоления заурегулированности или избыточной юридикации, т.е. правового регулирования общественных отношений, объективно этого не требующих, или уже урегулированных иными социальными нормами. Однако неопределенность в праве допускается только в качестве промежуточного явления, она не может быть целью правового регулирования².

Отдельный блок исследования касается предсказуемости действия права и реализации человеком своего правового статуса. На основе обширного доктринального материала авторы приходят к выводу о том, что правовая определенность в данном случае есть гарантия от публично-правового произвола, когда право нельзя толковать от случая к случаю, руководствуясь симпатиями или антипатиями (фактическая определенность). При этом важно, чтобы такая правовая определенность следовала из нормативного предписания и имела механизмы обеспечения (антикоррупционные, контрольно-надзорные, карательные) (формальная определенность).

В ходе соотношения фактической и формальной определенности первая оценивается как смысл, вторая — как внешняя форма, поэтому именно фактическая определенность, на взгляд авторов, имеет ключевое значение для человека. В связи с этим обособленно подчеркиваются недостатки позитивации права, поскольку исключительно юридическая форма «абстрагирует от нее же юридическую догму», лишая право своего содержания. Интересны рассуждения о методологическом обеспечении фактической правовой определенности путем расширительного толкования права с учетом реальных жизненных обстоятельств его применения (социокультурный подход).

Установлено место правовой определенности в праве, причем с помощью авторской концепции правопонимания — право как триада равенства, справедливости и законности. Подчеркивается, что именно принцип законности обуславливает правовую определенность в качестве «стандарта качества закона».

Оба этих принципа не являются чисто правовыми, что, с точки зрения ученых — не сторонников радикального легизма, благо, поскольку в условиях закрепления в Конституции РФ «кратких наименований» прав человека правовая определенность позволяет составить «человекоадекватную» формулу: результат правового регулирования (сфера права) >, < или = ожиданиям общества (не сфера права).

Такая формула доказывает зависимость положительного или отрицательного отношения человека к закону и власти от человекоцентричности и предсказуемости правореализации, в ходе которой обнаруживаются смысл субъективного права, реальный объем входящих в него правомочий и пределы их осуществления.

Указанный подход к оценке «реальности» правового статуса личности через показатель его правовой определенности позволяет выявить содержательную ценность прав человека, а именно определить возможность достижения желаемого

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М., 2013. С. 66, 67.

² См.: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2019. С. 52.

и должного результата их реализации. Без этого декларируемые права (когда форма отделяется от содержания) можно сравнить, как писал Ж. Бодрийяр, с дипломами, выдаваемыми без эквивалентности знаниям, т.е. с симулякрами³.

Представляется, что наибольшая сложность в создании человекоцентричного права заключается, как верно отмечено П. Проуди, в отделении нормы от совести, когда правовая норма принимает самостоятельную форму и приобретает автономию от моральной нормы. В результате возникает проблема двух мировоззрений: формализованного, когда реализация правовой нормы осуществляется механически, т.е. без чувств нравственного долга и уважения к закону; духовно-нравственного, когда поведение в первую очередь обусловлено уровнем моральности (нравственности), а от правовых норм ожидается справедливость⁴.

В целом данная проблема носит перманентный характер и связана в том числе с источником происхождения правовых и иных социальных норм. Отсюда сторонники естественного права апеллируют к надюримическим понятиям «нравственность», «справедливость», «равенство», «солидарность», «определенность», «неопределенность» и др., использование которых в процессе правоустановления и правоприменения позволяет преодолеть формальный легизм и очеловечить право. А.Ф. Кони в этой связи говорил: «Идеалы постепенно начали затемняться и нравственные задачи отходить на задний план. Надо вновь разъяснить эти идеалы, надо поставить на первое место нравственные требования и задачи»⁵.

Глава вторая «Юридические императивы принципа правовой определенности» начинается с изучения «ретроактивности» и «ультраактивности» закона как институтов, влияющих на правовую определенность линейного процесса правоприменения. Поднимаются вопросы об избыточном действии презумпции знания закона и необходимости ее смягчения в отношении действительно добросовестных граждан (признание «извинительных» юридических ошибок). Грань между этим и «индугенцией от выполнения требований закона» видится в достижении правовой определенности, исключающей дефектность правореализации (установление критериев действия закона во времени).

Одним из основных императивов правовой определенности авторы называют запрет «ретроактивности» закона, который в равной мере должен распространяться и на будущие правоотношения (к примеру, налоговые). Однако должен ли принцип «закон обратной силы не имеет» касаться всех без исключения случаев? В монографии отмечается правовая допустимость изъятия из этого принципа применительно к улучшению положения личности.

Следующие императивы правовой определенности — ясность, точность, непротиворечивость закона. Поскольку данные императивы являются скорее оценочно-грамматическими требованиями, их исследование осуществляется с помощью лингвистических подходов. В итоге ясность закона увязывается с его понятностью и доступностью, и в случаях сложности правовых конструкций и терминов, препятствующей выявлению смысла закона, они

признаются непонятными и малодоступными, а закон — не соответствующим принципу правовой определенности.

Неясность закона создает риски широкой дискреции правоприменителя, субъективного восприятия правовых предписаний и, как следствие, непредсказуемости исполнения закона. В случаях ее устранимости обязанность по обеспечению ясности и иных императивов правовой определенности возлагается на законодателя. Сложнее, когда в законе имеется объективная «неустранимая неясность», характерная для специфических направлений правового регулирования (например, градостроительного, технического, налогового, пенсионного). В этом случае «содержательную верификацию» должен выполнить суд. Во избежание рисков ухода в «свободное право», где каждый правоприменитель оценивает закон по-своему (здесь авторы весьма уместно приводят аргументы правоведа И.А. Покровского против «свободного права»), конституционализировать (очеловечить) позитивное право (а вместе с этим и обеспечить императивы правовой определенности) мог бы судебный орган конституционного контроля.

В качестве смыслового императива правовой определенности Д.С. Велиева и М.В. Пресняков с учетом практики конституционного правосудия оценивают доверие граждан к закону и правоприменительной деятельности. Критериями его обеспечения являются: стабильность прав и правового статуса личности (недопустимость их изменения по формальным соображениям), неснижение социальных гарантий, использование переходного периода для введения законодательных новаций. Однако данные критерии нельзя рассматривать в качестве «ключа» к доверию граждан. Формально-юридический или позитивистский подход (основной в континентальной системе права) не может гарантировать подлинного доверия граждан. Как справедливо подчеркнуто учеными, доверие обеспечивается гуманистическим подходом к правоустановлению и правореализации, задействование которого судебным органом конституционного контроля способствовало бы развитию конституционного антропоцентризма.

В *третьей главе* правовая определенность анализируется в связке с верховенством права и конституционной определенностью. В этом контексте правовая определенность исследуется путем соотношения принципов верховенства права и правового государства, из которых с учетом социально-исторических особенностей их появления следует концепт примата прав и свобод человека. Его обеспечение зависит прежде всего от преодоления «барьера позитивизма».

В качестве примера более-менее успешной реализации указанного подхода в монографии приведена немецкая концепция правового государства, основу которой составляют права человека, представляющие собой «объективный порядок ценностей». В связи с этим возникает вопрос: существует ли пропорция между реализацией принципа правового государства и реализацией прав человека, и наоборот? Однозначного ответа авторы не дают и вряд ли его можно получить. Действительно, на каждом историческом этапе развития человечество имеет свои представления о праве, государстве и роли личности в общественных отношениях. В этом контексте научное мнение о смене правовых парадигм в рецензируемой работе подтверждается многочисленными цитатами от античных философов до современных правоведов, что, несомненно, украшает книгу.

В итоге рассуждений о том, что считать по-настоящему правовой конституцией, авторы приходят к выводу о зависимости данного вопроса от истолкования самой

³ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с франц. А. Качалова. М., 2016. С. 203.

⁴ См.: Проуди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права / пер. с ит. И. Кушнаревой, пер. с лат. А. Апполонова. М., 2017. С. 200, 201.

⁵ Кони А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М., 2016. С. 32.

конституции. Без расширительного толкования конституционных норм, в силу общего правоустанавливающего значения имеющих «вынужденную неопределенность», уменьшится их собственное регулирующее воздействие и увеличится разрыв между конституцией и исполняющим ее законодательством.

Поскольку установление общеобязательного смысла конституционных норм – прерогатива судебного органа конституционного контроля, официальная конституционная герменевтика играет большую роль в обеспечении «реальности» конституции, а вместе с этим и реализации принципа правового государства и прав человека. Это свидетельствует о том, что правовые позиции Конституционного Суда РФ являются квазиисточником конституционного права, а значит, на них распространяются императивы правовой определенности.

Вполне обоснованно ученые не применяют в данном случае императивы правовой определенности, выявленные ими в предыдущей главе монографии. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, будучи результатом нормативно-оценочной деятельности, не всегда могут быть понятны и доступны для «простого» человека. Это связано прежде всего с тем, что мотивировка постановления (определения) Конституционного Суда РФ, как правило, основана на сочетании сложных методов толкования (например, грамматического, логического, системного, догматического, аксиологического)⁶. Более того, правовые позиции, по сути, есть результат конституционного правосудия, следовательно, априори не могут быть предсказуемыми. Риски для обеспечения правовой определенности здесь другого порядка – «наличие внутрисудебных правотолковательных коллизий и противоречий и отсутствие пределов конституционного истолкования и иных способов и форм толкования положений закона и иных нормативных актов»⁷. Поэтому критерием обеспечения правовой определенности правовой позиции судебного органа конституционного контроля, по мнению авторов, является устойчивость (разумная неизменность) правовой позиции. Такая стабильность правовых позиций позволяет иметь адекватные представления об объеме правовых притязаний в рамках правореализации, о необходимости правоустановления в рамках отраслевой конкретизации конституционных положений, а также о пределах правоограничения в рамках защиты особо важных интересов.

В центре внимания заключительной, *четвертой, главы* – поиск правовой определенности в правах и свободах, а также в целом в правовом статусе личности. Исследуется дихотомия прав позитивных (их определенность зависит от качества закона) и естественных (их определенность зависит от «содержательно-смысловых характеристик самих этих прав»). Поднимается сложный вопрос о значении конституционной формулировки «права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов» (ст. 18 Конституции РФ). Что в данном случае выступает источником прав человека и права в целом? Означает ли, что права человека происходят из его биосоциальных возможностей, а право – из прав человека?

⁶ См.: Пермиловский М. С., Вилова М. Г. Методология конституционной аксиологии в разъяснениях Конституционного Суда России // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 29.

⁷ Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию. М., 2018. С. 184.

Неоднозначность ответов на эти вопросы обусловлена существованием наряду с субъективными правами (естественными по своей природе) публичных прав (гарантированных со стороны государства). Если назначение первых понятно и имеет серьезное доктринальное обоснование, то назначение вторых с учетом поставленных вопросов является полемичным.

В связи с этим авторы изучают публичные права с разных точек зрения, включая концепцию правовых рефлексов (Р. Иеринг) и теорию субъективных публичных прав (Г. Еллинек). Производность (рефлекторность) прав человека от деятельности государства (когда права предоставляются от случая к случаю при наличии заинтересованности публично-правового образования) критично оценивается в монографии, поскольку здесь нет места «какой-либо определенности правового статуса индивида».

Значение субъективных публичных прав объясняется через соотношение предназначения одних и тех же прав в Конституции РФ (публичном праве) и Гражданском кодексе РФ (частном праве). Так, субъективные публичные права (или, по сути, конституционные права) – это гарантии независимо от факта правореализации (например, гарантии права собственности независимо от наличия самого объекта собственности). Частные права ориентированы на конкретные случаи правореализации (на примере того же права собственности – это уже правомочия владения, пользования и распоряжения определенной вещью, которая должна быть у человека, чтобы данное право «работало»).

В результате авторы делают вывод о естественном характере конституционных прав, основная цель формально закрепления которых состоит в обявлянии государства создать механизм их реализации (формальная определенность). Причем в таком механизме нуждаются как самоисполнимые права (право на жизнь), так и несамоисполнимые права (право на образование). В первом случае права обеспечиваются охранительными нормами (защита от любых посягательств), во втором – регулятивно-охранительными нормами (создание условий для реализации права и защита от неисполнения государством своих обязательств по созданию этих условий).

Однако Д. С. Велиева и М. В. Пресняков предостерегают от рисков такого регулирования прав, когда оно приводит к фактическому правоограничению. Следовательно, правовое регулирование прав человека должно соответствовать не только Конституции РФ, но и императивам правовой определенности (именно такой подход в настоящее время прослеживается в конституционном правосудии). Даже в этом случае правоограничительные риски в регулировании прав человека сохраняются в силу их широких содержательно-смысловых характеристик, обусловленных естественным происхождением.

Иными словами, права человека (его возможности) объективны, т. е. имеют надюридическое значение и должны определять содержание позитивного права. Однако такое состояние удачно описано Е. В. Спекторским как «уже существующее, но все-таки еще не совсем возникшее»⁸. Это связано с расхождением между юснатурализмом и легизмом, причем последний, как подчеркивают авторы, приводит к тому, что в современном праве «нет места человеку как таковому: вместо него появляется субъект права – носитель абстрактных прав и обязанностей».

⁸ Спекторский Е. В. Теория солидарности // Юридический вестник. 1916. Кн. 13 (1). С. 2, 3.

Из этого следует важный теоретический вывод о том, что исключительно позитивистское правопонимание влечет риски приоритетности формальной правовой определенности над фактической (отраслевое правовое регулирование), в то время как в человекоцентричном праве приоритет, наоборот, должен отдаваться фактической правовой определенности (конституционное регулирование). Устранение данного разрыва правовой определенности — это, по мнению ученых, задача судебного органа конституционного контроля, способного при помощи конституционной герменевтики обеспечить «живую» или фактическую конституцию.

* * *

В заключение следует отметить, что произведенное Д.С. Велиевой и М.В. Пресняковым юридико-философское переосмысление правовой определенности в контексте разных подходов к правопониманию и правам человека оставляет благоприятное впечатление.

Завершить обзор рецензируемой монографии хотелось бы перефразированными словами профессора Ф.Ф. Преображенского из известной повести М.А. Булгакова: «...но чтобы это была такая правовая определенность, при наличии которой никто не мог бы даже подойти к моим правам. Окончательная определенность. Фактическая. Настоящая! Броня».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с франц. А. Качалова. М., 2016. С. 203.
2. *Бондарь Н.С., Джагарян А.А.* Правосудие: ориентация на Конституцию. М., 2018. С. 184.
3. *Велиева Д.С., Пресняков М.В.* Правовая определенность и права человека. Саратов, 2021.
4. *Власенко Н.А.* Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2019. С. 52.

Сведения об авторе

ПЕРМИЛОВСКИЙ Михаил Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова; 163069 г. Архангельск, проспект Ломоносова, д. 58

5. *Кони А.Ф.* Закон и справедливость. Статьи и речи. М., 2016. С. 32.
6. *Пермиловский М.С., Вилова М.Г.* Методология конституционной аксиологии в разъяснениях Конституционного Суда России // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 29.
7. *Проди П.* История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права / пер. с ит. И. Кушнарева, пер. с лат. А. Апполонова. М., 2017. С. 200, 201.
8. *Спекторский Е.В.* Теория солидарности // Юридический вестник. 1916. Кн. 13 (1). С. 2, 3.
9. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М., 2013. С. 66, 67.

REFERENCES

1. *Baudrillard J.* Simulacra and simulations / transl. from French A. Kachalova. M., 2016. P. 203 (in Russ.).
2. *Bondar N.S., Dzhabaryan A.A.* Justice: orientation to the Constitution. M., 2018. P. 184 (in Russ.).
3. *Velieva D.S., Presnyakov M.V.* Legal certainty and human rights. Saratov, 2021 (in Russ.).
4. *Vlasenko N.A.* Reasonableness and certainty in legal regulation. M., 2019. P. 52 (in Russ.).
5. *Koni A.F.* Law and Justice. Articles and speeches. M., 2016. P. 32 (in Russ.).
6. *Permilovsky M.S., Avilova M.G.* Methodology of constitutional axiology in explanations of the Constitutional Court of Russia // Constitutional and Municipal Law. 2022. No. 8. P. 29 (in Russ.).
7. *Prodi P.* The history of justice: from the pluralism of forums to the modern dualism of conscience and law / transl. from Italian I. Kushnareva, transl. from Latin A. Appolonov. M., 2017. P. 200, 201 (in Russ.).
8. *Spektorsky E.V.* Theory of Solidarity // Legal Herald. 1916. Book 13 (1). P. 2, 3 (in Russ.).
9. *Heidegger M.* Being and time / transl. from German V.V. Bibikhina. M., 2013. P. 66, 67 (in Russ.).

Authors' information

PERMILOVSKY Mikhail S. — PhD in Law, Associate Professor, Department of International Law and Comparative Law, Northern (Arctic) Federal University Russian Federation; 58 Lomonosov ave., 163069 Arkhangelsk, Russia